

УДК 378.4:9(571.53)

Лаборатория истории Сибири ИГУ

Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрена история создания и деятельности лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета в 1970–1980-х гг., её вклад в изучение региона и подготовку специалистов-историков.

Ключевые слова: лаборатория истории Сибири, Иркутский государственный университет, исторический факультет, С. Ф. Коваль, историко-этнографическая экспедиция.

Лаборатория истории и этнографии (позднее лаборатория истории Сибири) была основана при кафедре истории СССР Иркутского государственного университета в 1974 г. с целью поиска новых источников и организации исследований по истории Сибири. Первым руководителем ее стала Л. Г. Олтаржевская, её сменил В. П. Шахеров. Научное руководство осуществлял Семен Федорович Коваль, который на всем протяжении существования лаборатории определял задачи и направления работы. В 1975 г. в штат лаборатории были зачислены Т. А. Перцева и Л. В. Шапова, несколько позднее Г. В. Оглезнева. В 1980-е гг. в лабораторию пришли В. В. Русинова, Е. А. Ячменев, И. П. Немтинова, Е. Ш. Соломон, Е. Борнякова, несколько позднее – студенты, а ныне преподаватели кафедры истории России А. П. Санников и А. В. Ануфриев. На протяжении всего периода существования лаборатории в ней одновременно работали четыре человека – заведующий и три лаборанта.

Некоторые аспекты её создания и деятельности уже были рассмотрены в публикациях Т. А. Перцевой, Г. В. Оглезневой, Л. В. Шаповой, В. Г. Антоника, Е. Ш. Соломона, Т. П. Кальяновой, Л. Я. Подольской [2; 5; 7–12]. Вместе с тем остается круг вопросов, которые требуют более детального представления или обсуждения.

Создание лаборатории истории Сибири имело довольно долгую и сложную предысторию. Её появлению способствовал ряд факторов – как общих для развития отечественных гуманитарных наук, так и региональных. В конце 1950 – начале 1960-х гг., на новом этапе развития исторической науки, в значительной степени обновилась проблематика исторических исследований, издавались крупные монографические работы. Именно в это

время шла работа над пятитомной «Историей Сибири», участие в которой принимали иркутские ученые Ф. А. Кудрявцев, В. И. Дулов, Г. И. Медведев, С. Ф. Коваль, С. В. Шостакович и др. В 1968 г. при Томском государственном университете была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, целью которой было «глубокое и комплексное изучение региональной истории на основе более широкой источниковой базы с использованием новых исследовательских методик» [1].

Несмотря на то что в эти годы в научный оборот был введен огромный комплекс новых исторических источников, обозначились значительные лакуны, в том числе недостаток материалов по отдельным темам и проблемам истории Сибири. Одновременно повысился интерес к так называемой устной истории, которая позволяла существенно расширить источниковую базу для различных отраслей исторической науки. Возникла идея организации ширококомасштабных работ по выявлению и сбору различного рода источников.

Нельзя сказать, что у советских историков не было опыта работы с устными свидетельствами очевидцев и участников важнейших событий в истории страны, в первую очередь участников Великой Отечественной войны. Использовались устные рассказы и при реализации ширококомасштабного проекта 30-х гг. «Истории фабрик и заводов». Занимались сбором устных источников краеведы, в том числе и в Сибири. В 1965 г. было создано Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, что способствовало активизации деятельности местных краеведов. Все больше внимания уделялось фиксации сибирских говоров и фольклора. В середине 1960-х гг. в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук (Новосибирск) под руководством Н. Н. Покровского с участием студентов началась работа по сбору книг и рукописей старообрядцев. Представляется, что создание лаборатории истории и этнографии следует рассматривать в этом общем контексте, не забывая о собственно иркутских предпосылках.

Начало сбору устных источников сотрудниками Иркутского университета было положено в 1958 г. экспедицией в Братский район под руководством Ф. А. Кудрявцева, в ходе которой небольшая группа студентов и преподавателей, включая С. Ф. Ковалю, собирала историко-этнографический материал в селах на территории будущего ложа Братского водохранилища. Задачи этой экспедиции были достаточно конкретными – сохранить описания памятников, которые будут утрачены в результате затопления, что отличало её от последующих историко-этнографических экспедиций. Однако практика привлечения студентов к работе по сбору устных свидетельств была продолжена. Начало непрерывной организации историко-этнографических экспедиций и полевым исследованиям положила экспедиция 1963 г. под руководством С. Ф. Ковалю. В ее состав входило всего пять человек, в том числе будущие кандидаты исторических наук Л. Я. Подольская и Б. К. Ржепко. Ко времени своего возникновения в 1974 г. лаборатория истории и этнографии уже располагала материалами 11 экспедиций.

Главной задачей лаборатории как учебно-вспомогательного подразделения кафедры истории СССР была организация практики студентов исторического факультета, которая во второй половине 1970-х гг. стала обязательной для студентов второго курса и получила название архивной, музейной, экскурсионной. Это способствовало расширению масштаба исследований. В середине 1970 – начале 1980-х гг. каждое лето выезжали «в поле» уже не один, а 2–3 отряда. Всего за 25 лет полевых исследований (1963–1987 гг.) было организовано около 50 экспедиций в районы Иркутской области, значительную часть Бурятии (Баргузинский, Кабанский, Нижнеангарский, Тункинский районы), районы пребывания декабристов на каторге в Читинской области, а также в Богучанский, Кежемский, Минусинский районы Красноярского края. На несколько лет основным исследовательским полигоном стало Приленье, где в силу отдаленности района и малой миграции населения лучше сохранились элементы традиционного образа жизни и контингент старожильческого населения.

В составе экспедиции работали студенты, аспиранты и преподаватели, выпускники исторического факультета, которые готовы были потратить месяц своего отпуска или каникул на поездки по селам и районным центрам. Среди них А. В. Дулов, В. М. Андреев, В. П. Олтаржевский, Л. Г. Олтаржевская, В. В. Свинин, Н. К. Струк, В. Г. Башкиров.

По замыслу и убеждению С. Ф. Ковалья, экспедиции исторического факультета должны были реализовывать одновременно и обучающие, и научно-исследовательские задачи. Первоначально основными направлениями экспедиционных исследований были: историко-этнографическое, историко-революционное и советское (так сформулировал их С. Ф. Коваль в Общем журнале экспедиции 1968 г.). При этом уточнялось, что все другие вопросы истории края, например участие местного населения в Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войнах, а также ссылка и каторга, бродяжничество, ремесло и т. д. исследуется «в равной степени с другими». На самом деле, судя по записям воспоминаний старожил, преимущественное внимание уделялось историко-революционному, а также советскому направлениям. С одной стороны, это соответствовало тем направлениям исследований, которые преобладали в исторической науке того времени, с другой – сами районы исследований и контингент старожильческого населения определяли круг тем, по которым можно было собирать материал. Позднее, оценивая материалы архива лаборатории, С. Ф. Коваль писал: «В числе собранных документальных материалов – уникальные подлинные исторические источники... Воспоминания, в большинстве своем, единственный источник по многим проблемам истории края, не отраженным скольконибудь полно, а то и вообще неизвестным в литературе» [2, с. 209].

Постепенно историческое направление исследований расширялось и обогащалось за счет внимания к истории повседневности, хозяйственным занятиям и их особенностям, организации крестьянского хозяйства, промыслам, обеспеченности семьи. Выявление и сбор предметов материальной культуры расширял представления о быте крестьян. Памятники деревянного

зодчества фотографировались, зарисовывались, а в 1968 г. даже снимались на киноплёнку. В конце 1970-х гг. во время экспедиции в Тайшетском районе для изучения старых крестьянских домов использовали вопросник, полученный из Института этнографии РАН, в соответствии с которым производили фотографирование, описание и обмеры зданий. Однако в целом это направление работы экспедиции не получило должного развития, поскольку не было обеспечено достаточно квалифицированными кадрами, техническими средствами, да и не могло дублировать аналогичные исследования музеев под открытым небом, которые в этот период формировались.

Одним из важных направлений работы экспедиций был сбор документального материала, имеющего историческую ценность (фотографий, удостоверений, почетных грамот и т. д.), если не в подлинниках, то в копиях. Особенную ценность представляли документы личного происхождения, переданные старожилками. Например, дневник К. Кокоулина, крестьянина с. Култук Иркутского уезда, участника обороны Порт-Артура или архив Каминских [6]. Собранные предметы быта, фотографии и документы частично экспонировались в кабинете, который занимала лаборатория, и служили наглядными пособиями в процессе изучения истории и культуры Сибири. Наиболее ценные документы и фотоматериалы передавались в архивы и музеи Иркутска.

В последние годы существования лаборатории истории Сибири по инициативе Е. Ш. Соломона началось этносоциологическое изучение межнациональных отношений в Усть-Ордынском автономном округе. Как отмечает Е. Ш. Соломон, С. Ф. Коваль поддержал эту идею, и уже в экспедиции 1986 г., которой руководила Л. В. Шапова, он получил возможность работать отдельно по выбранному направлению, по вопроснику, составленному сотрудником Института этнографии АН СССР А. А. Сусоколовым [11, с. 216]. В течение нескольких лет был собран интересный материал, который находится в распоряжении инициатора этих исследований.

В целом тематика и организация научно-исследовательской работы лаборатории практически всегда были тесно увязаны с научно-образовательным процессом кафедры, поэтому представляются поверхностными суждения Е. Ш. Соломона об условиях организации экспедиций: «Противоречивую роль играл тот факт, что эта работа велась из года в год как историко-этнографическая практика студентов при лаборатории истории Сибири. С одной стороны, статус работы как научно-вспомогательный (который имела лаборатория) способствовал меньшей «опеке» со стороны надзирающих органов и оперативному простору: распространению на все новые территории огромного региона. В научном плане сбор воспоминаний не рассматривался на факультете как конкурент какому-либо направлению. Благодаря этому экспедиции по сбору воспоминаний продолжались год за годом, десятилетие за десятилетием». [12, с. 29]. В рассматриваемый период многие преподаватели кафедры истории СССР и факультета, участвуя в полевых работах, прежде всего расширяли источниковую базу собственных научных исследований. О конкуренции направлений в рамках кафедры речь не шла, тем и проблем хватало на всех. Кроме того, воспоминания не счита-

лись самоценными и использовались в исторических исследованиях как дополнительный источник сведений, со множеством оговорок и указаний на их субъективность (с чем спорить не приходится). Не было и проблем, связанных с «опекой» со стороны «надзирающих органов». Выбор регионов, направления работы, методика сбора, фиксации материалов и формы их использования определялись лабораторией самостоятельно.

Велико было значение лаборатории в учебном процессе. Экспедиции сыграли огромную роль в профессиональном и личностном формировании сотен студентов, которые были их участниками. Они не только знакомились с отечественной историей через её индивидуальную интерпретацию, но и учились вести диалог, слушать, анализировать, сопоставлять. Встречи с представителями старшего поколения вызывали уважение к ним, внимание к их жизненному опыту, способствовали формированию системы жизненных ценностей. «Устная история» корректировала как официальный вариант отечественной истории, с которым они знакомились в ходе учебного процесса, так и идеализированные представления о дореволюционной России, которые существовали у некоторых студентов, особенно в начале 1980-х гг. Важную роль в учебном процессе играли материалы архива лаборатории. Они использовались в качестве информационно-иллюстративного материала на практических занятиях по истории России и истории Сибири, а также при написании курсовых и дипломных работ по истории отдельных населенных пунктов, крестьянскому переселению начала XX в., политической ссылке. Большой интерес представляли воспоминания старожилов о пребывании в ссылке «бабушки русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, о возвращении большевиков Е. М. Ярославского, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровского из якутской ссылки в 1917 г.

Во второй половине 1970-х гг., помимо организации практик, лаборатория заполнила образовавшуюся после самоликвидации кружка истории России нишу, взяв на себя организацию научно-исследовательской работы студентов. Недаром в это время у студентов, специализировавшихся на кафедре истории СССР, были востребованы «местные» сибирские темы докладов на конференциях, курсовых и дипломных работ.

Расширение масштабов исследований привело к росту фондов архива лаборатории. Сформировалось несколько тематических комплексов источников: хозяйственная жизнь сибирского села, переселение, ссылка, революция, Гражданская война, коллективизация. Один из них был оформлен в сборник документов и воспоминаний «Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921 гг.)», опубликованный в 1987 г. Выбор региона и темы определялся несколькими факторами: высокой степенью плотности исследования приленских населенных пунктов, достаточно обширным и разнообразным фондом записанных воспоминаний и выявленных оригинальных документов, возможностью компаративного анализа материалов, спецификой сложных политических, социальных, экономических процессов, происходящих в регионе в начале XX века. Немаловажную роль сыграло и то, что, по сложившейся советской практике, в год 70-летия Октябрьской

революции в рамках юбилейной кампании возможность публикации сборника воспоминаний и документов по данной теме была более вероятной и давала возможность для основания серийного издания экспедиционных материалов по другим темам, что, несомненно, учитывалось С. Ф. Ковалем.

Подготовка материалов к публикации в условиях политики перестройки, ослабления идеологического контроля отразила новые подходы к восприятию и анализу записанных воспоминаний. Основная концепция сборника заключалась в представлении таких крупных исторических событий, как революция и Гражданская война, через мировоззрение рядовых участников исторического процесса, показ обыденной жизни ленского крестьянства в экстремальных условиях гражданской войны. Сборник состоит из двух разделов (первый содержит воспоминания, второй – документы и письма), снабжен биографическими справками, обширными комментариями и именованным указателем. Всего в сборник включены 24 воспоминания, большая часть из них никогда ранее не публиковалась. Эти источники не утратили значения и в условиях деидеологизации исторической науки, когда вектор научных интересов повернулся в сторону социально-психологических, личностных аспектов жизни российского общества. В воспоминаниях представлены сведения о таких малоизвестных событиях, как бодайбинское, марковское и макаровское крестьянские восстания, условиях жизни населения, политике как советской, так и колчаковской властей и отношении к ним крестьянства, поведенческие и личностные характеристики участников и очевидцев драматических событий периода Гражданской войны. Многие старожилы вспоминали руководителей партизанских отрядов Н. А. Каландарашвили и Д. Е. Зверева.

В публикациях, посвященных лаборатории истории Сибири или упоминающих о ней, говорится о малочисленности подготовленных ею публикаций и недостаточном введении материалов её архива в научный оборот. Представляется, что следует разделить эти два аспекта, оценивающих вклад лаборатории в изучение истории Сибири. Необходимо более отчетливо представлять характер собранных материалов и иметь в виду, что никогда С. Ф. Ковалем не ставился вопрос о «подготовке сотен тетрадей с воспоминаниями к публикациям» [12, с. 29]. Публиковать можно было только отдельные воспоминания или даже их фрагменты, поскольку развернутых воспоминаний было немного, что объяснялось возрастом и состоянием памяти старожилов. Значительно больше было отрывочных, часто ярких штрихов, которые способствовали более глубокому пониманию исторических событий или характеристике известных деятелей. В ряде случаев они противоречили тем идеологическим установкам, оценкам и суждениям, которые и составляли официальную историческую картину развития страны в XX в. и, следовательно, не могли быть обнародованы в 1970-х – первой половине 1980-х гг. Даже использование материалов в научно-исследовательских публикациях было ограничено фактической стороной отдельных воспоминаний, о чем весьма убедительно пишет Е. Ш. Соломон [12, с. 33].

Массовой публикации источников препятствовали и существенные особенности процесса формирования источниковой базы, связанные с методикой опроса и записи бесед, во многом обусловленные традиционным подходом к их содержанию. Основное внимание уделялось фактической составляющей исследования, событийной истории. Оценки и восприятие событий собеседниками часто оказывались за порогом записанных воспоминаний, хотя нередко могли быть поняты по контексту. Некоторые темы старожилы отказывались обсуждать, особенно если у интервьюера имелся портативный магнитофон, поэтому он редко применялся при записи бесед (да и вообще экспедиция была слабо ими обеспечена). Это также было препятствием к изучению субъективного восприятия событий, массового и индивидуального исторического сознания населения, механизмов исторической памяти. Участники экспедиции в своих полевых дневниках отмечали «боязнь старожилов за сведения, которые сообщали», и прямо спрашивали: «А что мне за это будет?»

При этом важно отметить особенности методики организации записи воспоминаний, сочетание количества и качества таких записей. Совершенно прав В. Г. Антоник, когда отмечает существование у организаторов дилеммы: «за один выезд (как правило, в течение месяца) отрабатывать один компактный район или максимально расширить сферу полевых исследований» [2, с. 212]. Действительно, стремление заставить в «здравом уме и твердой памяти» как можно больше старожилов, которые в силу своего возраста могли рассказать о событиях начала XX в., заставляло стремиться к максимально большому охвату населения, чтобы уже среди них выявить и опросить наиболее информированных. В первых экспедициях можно было записать воспоминания участников Русско-японской и Первой мировой войн, революционного движения начала XX в. (например, Б. Л. Литвина – эсера-максималиста, ставшего потом большевиком), участников и свидетелей Гражданской войны и т. д. В экспедициях 1980-х гг. наиболее ранние воспоминания относились уже к периоду коллективизации и жизни в тылу в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания ветеранов войны к тому времени были уже в основном записаны. Послевоенный период не привлекал особого внимания, поскольку казался еще недавним, понятным и не очень интересным для историков. Таким образом, расширение круга исследовательских задач, которые могли быть решены на основе проблематики и методики «устной истории», происходило постепенно, а правило – в первую очередь зафиксировать воспоминания самых возрастных старожилов – во многом определяло и тематику интервьюирования, и последующие перспективные планы полевых исследований.

Одним из факторов, определявших ценность записанных устных бесед, являлась квалификация «интервьюера», по терминологии того времени – руководителя группы, ведущей запись воспоминаний. Группа, как правило, состояла из руководителя, который вел беседу, и двух сотрудников, один из которых вел основную запись, а второй – контрольную. В равной степени важна была работа каждого: если руководитель не сможет «разговорить»

собеседника, то информация, которой последний владеет, не будет выявлена, если беседа не будет качественно записана, то эта информация не будет зафиксирована. После завершения беседы, которая могла продолжаться и не один день, запись обрабатывалась с восстановлением хронологической последовательности событий, причем требовалось сохранять самые мелкие факты, упомянутые рассказчиком, стиль его повествования и особенности речи. При этом в дневнике каждого участника экспедиции фиксировались условия записи беседы, и давалась краткая характеристика информатора. С. Ф. Коваль рассматривал эту работу как средство создания новых источников в ситуации, когда «датчик (автор) воспоминаний сам не в состоянии придать им письменную форму, но изъявляет желание устные воспоминания записать на бумагу или на пленку» [3, с. 4]. Этот личностный фактор особенно очевиден при сравнении записи бесед, которые вели преподаватели, сотрудники или студенты, имеющие некоторый опыт такой работы.

Иначе обстоит дело с введением материалов архива лаборатории истории Сибири (АЛИС) в научный оборот, т. е. с использованием их в исследовательских публикациях и диссертационных работах. Несомненно, эти материалы использовались по мере их накопления. В частности, в кандидатских диссертациях Г. В. Оглезневой «Культурная среда и формирование духовной культуры крестьян Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.», В. А. Шаламова «Образ жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.», П. А. Новикова «Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.)».

Лаборатории нет, но есть архив (АЛИС), содержащий собрание свидетельств очевидцев и участников событий в различные периоды региональной истории. Это 640 тетрадей с записями воспоминаний местных жителей, полторы сотни дел с фотографиями и около 70 дел с документами о событиях, процессах, личностях. Это уникальные источники по истории и этнографии Восточной Сибири. В 2008 г. архив был передан в Музей города Иркутска. Сейчас его обработкой занимается участник нескольких экспедиций 1970-х гг., а ныне сотрудник музея В. Г. Антоник, исследование архива семьи Каминских ведет К. С. Никонова [6]. В настоящее время возобновляется практика публикации материалов лаборатории в тематических изданиях. В 2014 г. преподавателем кафедры истории России А. В. Ануфриевым подготовлена к печати и включена в коллективную монографию «Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне» в качестве приложения подборка воспоминаний из архива лаборатории истории Сибири [4].

Список литературы:

1. *Андрющенко Б. К.* Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета – 40 лет // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2008. – № 3(4). – С. 8–12.
2. *Антоник В. Г.* Сохраненная память (об архиве Лаборатории истории Сибири исторического факультета Иркутского государственного университета) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 16. – С. 208–213.

3. Борьба за власть Советов в Приленском крае (1818–1921) : сб. док. [под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Ковалья]. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 168 с.
4. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: Исследования и материалы : коллект. моногр./ [под ред. Ю. А. Петрушина]. – Иркутск : Оттиск, 2014. – 448 с.
5. *Кальянова Т. П.* Исторический факультет Иркутского государственного университета: образование и жизнь в 1970-е гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 18. – С. 118–133.
6. *Никонова К. С.* Архив Каминских в фондах Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 16. – С. 140–150.
7. *Оглезнева Г. В.* Дореволюционный Баргузин в исторической памяти баргузинцев / Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова // Баргузин: страницы истории : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 350-летию со дня основания Баргузина. – Улан-Удэ, 1998. – С. 127–130.
8. *Оглезнева Г. В.* С. Ф. Коваль и развитие сибирского краеведения / Г. В. Оглезнева, Л. В. Шапова // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов : сб. ст. – Иркутск, 2014. – Вып. 2. – С. 70–79.
9. *Перцева Т. А.* Воин. Ученый. Учитель: к 85-летию С. Ф. Ковалья // Сибирь и декабристы. – Иркутск : Иркут. музей декабристов, 2009. – Вып. 6. – С. 8–24.
10. *Подольская Л. Я.* Педагог и воспитатель // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – №.1 (1). – С. 205–218.
11. *Соломон Е. Ш.* История становления этносоциологического направления в лаборатории истории Сибири ИГУ // Университет на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2013. – С. 215–223.
12. *Соломон Е. Ш.* Устная история: опыт работы лаборатории истории Сибири ИГУ и музея истории ИрГТУ // Человек на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. – Иркутск, 2012. – С. 28–39.

Laboratory for Historical Research on Siberia at Irkutsk State University

G. V. Oglezneva, L. V. Shapova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article concerns the history of setting up a Laboratory for Historical Research on Siberia at Irkutsk State University in 1970–1980. The authors highlight laboratory's input to the regional studies and education of professional historians.

Keywords: Laboratory for Historical Research on Siberia, Irkutsk State University, Historical faculty, S. F. Koval, historical and ethnographic expedition.

Оглезнева Галина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент

кафедра истории России

Иркутский государственный университет

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

тел.: 8(3952)24-05-22

e-mail: pta_999@mail.ru

Oglezneva Galina Vasilievna

Candidate of Sciences (History),

Associate Professor

Department of History of Russia

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003

tel.: 8(3952)24-05-22

e-mail: pta_999@mail.ru

Шапова Любовь Васильевна*кандидат исторических наук, доцент**кафедра истории России**Иркутский государственный университет**664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1**тел.: 8(3952)24-05-22**e-mail: pta_999@mail.ru****Sharova Lubov Vasilievna****Candidate of Sciences (History),**Associate Professor**Department of History of Russia**Irkutsk State University**1, K. Marx st., Irkutsk, 664003**tel.: 8(3952)24-05-22**e-mail: pta_999@mail.ru*